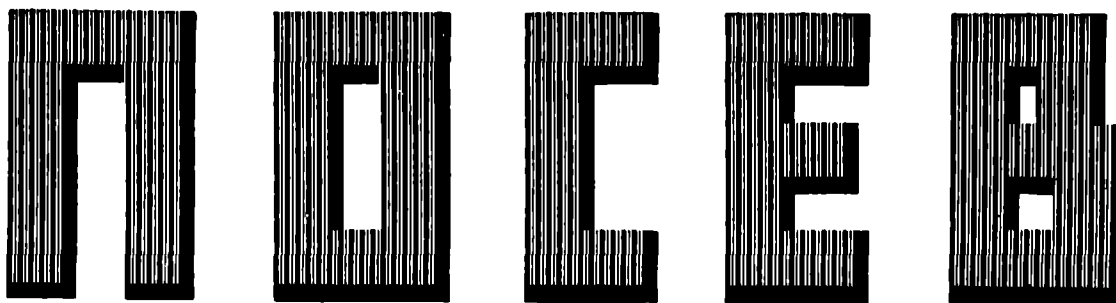

ГОД ИЗДАНИЯ XIX
№ 30-31 (897-898)ПЯТНИЦА
2 АВГУСТА 1963ГОЛОС РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
ВЫХОДИТ ЗА РУБЕЖОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Jahrgang 19 - Nr. 30-31 (897-898)

Russische Wochenzeitung POSSEV-DIE AUSSAAT - 6 Frankfurt am Main 1, Postfach 27 86

Freitag, 2. 8. 1963

О РОССИЙСКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ составляют все, кто ставят своей целью революционное свержение коммунистической власти и идут к этой цели путем одиночной борьбы или организуются в группы, объединения. О НТС — НАРОДНО-ТРУДОВОЙ СОЮЗ (русских солидаристов) обладает революционной идеологией и стратегией, ведет революционную борьбу и тем способствует росту и организованности российского революционного движения. О «ПОСЕВ» отражает и развивает идеи солидаризма, борется за осуществление политических стремлений российского революционного движения и издается при активном содействии НТС.

Кровью запечатленное начало

К десятилетию восстаний заключенных в советских концлагерях

В эти дни отмечается 10-летие вооруженных восстаний заключенных советских концлагерей. Наиболее крупное из них — в Воркутинской группе лагерей, где было до 200 тысяч заключенных, — произошло 1 августа 1953 года. Исключительный по кровопролитию и неравным по силам бой закончился подавлением восстания коммунистическими карателями, которыми руководили тогдашний и нынешний генеральный прокурор СССР Руденко, тогдашний зам. министра государственной безопасности генерал Масленников и тогдашний начальник Воркутинских лагерей генерал Деревенко.

Уже в следующем, 1954-м году, в первую годовщину Воркутинского героического восстания, воркутинцы-заключенные, рассказывавшие по другим лагерям, отметили память погибших в восстании товарищей. В частности, по показаниям очевидцев, — бывших заключенных, вырвавшихся за границу, — в системе Дубравлага (район Саровской пустыни), заключенные 1 августа 1954 года вышли на работу с трауром — куском черной материи (выданным из подкладки бушлатов) на рукаве или в петлице бушлата.

Начальство приказало спять траур, но заключенные наотрез отказались. Времена были уже не те, власть чувствовала свою слабость и испытывала страх перед народом, и начальство лагерей не решилось добиваться выполнения своего приказа силой. Весь день заключенные ходили с трауром.

С того времени ежегодно отмечается 1 августа как день памяти жертв коммунистического террора и как день борьбы против режима рабства и тирании.

В лагерях еще до смерти Сталина объявились симптомы того, что после победного окончания Великой Отечественной войны в народных настроениях происходит перелом, в массах рождается воля к вооруженному сопротивлению коммунистическим обманщикам, к борьбе за человеческие права и достоинство, за лучшую долю.

10 июня 1950 года на Воркуте, на шахте № 9, группа заключенных власовцев числом в 570 человек, возвращаясь в лагерь, под руководством полковника Антонова разоружила конвой. С полученным оружием группа вернулась на шахту, где разоружила воровцев, охранявших шахту. Затем группа направилась в ОЛП, где разоружила охрану ОЛП, состоявшую из 70 человек. Обеспечив себя оружием, боеприпасами и снабдившись со склада ОЛП одеждой и продуктами, группа направилась в сторону Урала, откуда она думала пробраться в леса Сибири...

В июле того же 1950 года в районе Салехарда (устье Оби), в 64-й колонне, которая являлась штрафным лагерем и где насчитывалось около 1600 политзаключенных, произошло восстание под руководством заключенного — генерал-лейтенанта Беляева, который ранее служил под командой Рокоссовского и который «за контрреволюционную деятельность» был приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей.

Восставшие, разоружив охрану на работе, а затем и на территории лагеря, двинулись к лагерному пункту № 68, находящемуся более чем в 50 километрах от 64-й колонны. Здесь почти без сопротивления была обезоружена охрана.

Ночью восставшие направились в лагерный штаб 101-й колонны, где они намеревались захватить телефон, телеграф и радиостанцию. К следующему утру восставшие дошли до 101-й колонны, но ее администрация уже была предупреждена бежавшими охранниками и охрана встретила заключенных сильным огнем.

В полдень восставших атаковали самолеты типа У-2, сбрасывавшие бомбы небольшого калибра и ведшие обстрел из пулеметов. Генерал Беляев с четырьмя заключенными ушел в горы Урала. Там восставшие продержались около

месяца и, окруженные сильными отрядами войск МВД, погибли в бою.

По рассказам заключенных, во время этого восстания было убито более 500 охранников.

Летом 1953 года, спустя 3-4 месяца после смерти Сталина и сразу же после падения во внутривластной грызне за власть главного сталинского палача Берия, огонь восстаний запылал в ряде лагерей: качественно новый этап народной борьбы, длящийся по сегодня, начали своим восстанием наиболее подавленные и бесправные социальные низы — заключенные лагерей, количество которых к тому времени выросло в чудовищной цифре 15 миллионов.

По-видимому, одними из самых первых в 1953 году забастовали заключенные Норильской группы лагерей, где 28 мая в одном из лагерей охранник по невыясненной причине дал очередь из автомата по толпе заключенных. Несколько заключенных было ранено и один убит.

Администрация лагеря приказала похоронить убитого и имела намерение перед похоронами осмотреть его. Однако заключенные отказались выдать убитого для осмотра и, похоронив его под одним из барачных, стали требовать вызова комиссии из Москвы. Одновременно заключенные объявили голодовку и отказались выходить на работу.

К бастующему лагерю присоединились другие лагеря. Руководство забастовкой было хорошо организовано, и упорному лагерной группы, видимо, не оставалось иного выхода, как обратиться в высшие инстанции с просьбой пригласить комиссию. Приехавшая комиссия приняла делегацию заключенных и согласилась удовлетворить требования заключенных. Но это была лишь хитрость представителей власти, которая была скоро разгадана заключенными.

На попытку заключенных ответить новой забастовкой администрация лагерей ответила «прочесыванием»: лагерная охрана, применяя оружие, выводила в тайгу группы заключенных в 50-60 человек, отбирала наиболее активных забастовщиков и изолировала их. После того, как территория лагеря полностью очищалась от заключенных, уже «прочесанные» снова возвращались в лагерь. Во

время «прочесывания» было много убитых и раненых, как со стороны заключенных, так и со стороны лагерной охраны.

В общей сложности бунт длился около 6 месяцев.

В 1953 году, после смерти Сталина, в лагерях Джезказгана вспыхнуло восстание. Руководили восстанием политические заключенные, среди которых видную роль играли двое русских и один иностранец из числа военнопленных. Восставшие выставили ряд требований; часть из них администрация согласилась удовлетворить (были, например, сняты сторожевые вышки в некоторых лагерях). Переговоры с заключенными вел генерал МВД, специально прибывший на самолете из Алма-Аты. Во время переговоров к месту восстания непрерывно стягивались войска. Вскоре восстание было подавлено, все его руководители арестованы и несколькими днями позже расстреляны.

Были забастовки и восстания и в других лагерях. Наиболее же известным, подробно освещенным в рассказах участников и свидетелей, является упоминавшееся выше Воркутинское восстание. Оно уже не раз описывалось в «Посеве», в частности в прошлом году в статье «О, Воркута, Воркута, кто тебя усеял мертвыми телами!» (номер от 25 февраля). Крупнейшее по масштабу и жесточайшему битвы (заключенные потеряли 400 человек убитыми и 600 ранеными, чекисты не меньше 200 человек убитыми), оно в то же время содержало в себе весьма ценные элементы организации, тактики вооруженной борьбы, революционного плана. Восставшие имели реальные шансы распространить свою власть на целый огромный край (недаром партийцы из числа гражданского населения панически эвакуировали из Воркуты свои семьи)...

*

Восстания 1953 года в советских концлагерях по общей трагической обстановке того времени — разобщенность людей в результате 25-летнего господства сталинского террора, еще непреодоленный психоз страха, отсутствие революционной организации — не повлекли революционного взрыва по всей стране и были подавлены.

Но кровь борцов не пролилась даром. Заметавшаяся в страхе власть тогда же вынуждена была пойти на большие уступки в смысле облегчения бесчеловечного режима на коммунистической картине, освобождения из лагерей значительных контингентов заключенных.

Немеркнущее же значение восстаний заключенных 1953 года в том, что боевой клич безвестного русского Спартака, гром самодельных гранат лагерников,

распрямившаяся спина тех, кто символизировал всю страну, посаженную за проволоку, — явились провозвестником великого исторического перелома — начавшегося процесса ослабления свирепой, террористической власти и перехода забитого, задавленного, замордованного народа в наступление на своих тиранов.

Уже через несколько месяцев после лагерных восстаний власть трусливо начала устраивать процессы чекистских чудил-палачей — меркуловых и рюминых. Последовал XX съезд с первым разоблачением Сталина. От зарева восстания над терриконами Воркуты тянется прямая нить к закрутившемуся в 1956 году народному «котлу» в Польше, к зареву народной революции над Будапештом...

Лагерные восстания — в начальном ряду тех событий освободительной борьбы народа, которые представляют единую цепь — от 1953 года до наших дней. Развитие борьбы идет по восходящей, несмотря на то, что власть еще бывает в состоянии отнимать отдельные сделанные ею уступки, тормозить процесс революционной организации народа. Как далеко шагнуло народное сознание — говорят известные панические меры власти на «идеологическом фронте» — против массового непослушания, опасного темпа «переоценки ценностей», разлива свободомыслия, родившейся и утверждающей себя идеологии свободы. Насколько в народе исчез страх перед всемогущим коммунистической системы и насколько он уже готов к следующему, ответственному этапу своей борьбы, — говорит 1962 год — год первых массовых открытых выступлений трудящихся, вплоть до вооруженной битвы с коммунистическими карателями в Новочеркасске.

Впереди неизбежно острая борьба в ее крайних формах, так как коренным образом изменить свою природу тоталитарная власть никогда не хотела, не собирается и не может. Покопав под давлением народа с вопиющим сталинским злодеянием и произволом — миллионными концлагерями с их кошмарным, бесчеловечным режимом, она от произвола, как души и метода ее властвования, отнюдь не отказалась. До сих пор, например, 100 миллионов крестьян страны — рабы, не имеющие права даже на паспорт. Коммунисты не отказались и не откажутся от главного своего произвола — узурпации власти, безраздельного господства, монополии и диктатуры одной своей партии. Но это значит, что жизнь народа никогда не может быть гарантирована от произвола неподконтрольных никому коммунистических властей.

Народ восстанет. И он будет идти к своей победе, с волнением вспоминая тех, кто кровью своей запечатлел начало, — героев Норильска, Джезказгана, Воркуты!..

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

По техническим причинам в этот номер не могла быть дана информация о текущих политических событиях в стране и в мире.

*

В связи с отпускным периодом у рабочих типографии и невозможностью из-за нехватки рабочих рук в ГФР найти временную замену рабочим нескольких типографских профессий, «Посев» в пятницу 9 августа не выйдет.

Следующий номер еженедельника в увеличенном объеме выйдет в пятницу 16 августа.

Забастовка... где, когда, во имя чего?

*

С. Кирсанов

Прошедшие за последнее время в ряде западных стран крупные забастовки снова привлекли внимание мировой общественности к этой проблеме. Укажем на забастовки технического персонала газетных издательств в Нью-Йорке, шахтеров во Франции, металлистов в Баден-Вюртемберге (Западная Германия). Каждая из них вызывала большие трудности в хозяйственной жизни страны и каждый раз естественно возникал вопрос: насколько обоснованны и оправданны эти забастовки и не является ли использование права на забастовку в некоторых случаях злоупотреблением этим демократическим правом трудящихся?

Как смотрит на проблему забастовок Народно-Трудовой Союз? В нашей программе по этому вопросу можно прочесть:

«Право на труд, как право каждого гражданина на обеспечение трудом и, следовательно, средствами на жизнь; право трудящихся на организованную защиту своих экономических интересов, вплоть до забастовок». (Программа НТС. Часть 1, гл. 5).

Право на забастовку, таким образом, записано в программе среди прочих основных прав, но слова «вплоть до» ставят это право в несколько особое положение, придавая ему смысл или качество исключительности, крайней меры. К этому последнему обстоятельству, тут только отмеченному, мы вернемся в дальнейшем более подробно.

Забастовочное движение возникло на заре индустриализации в Англии в конце XVIII — начале XIX века, как ответ на полностью бесправное положение тогдашнего индустриального рабочего, лишённого и общегражданских избирательных прав и права на организованное представительство своих интересов, на легальную организацию в профессиональные или им подобные объединения. Это политическое, общегражданское бесправие рабочих, сопровождавшееся экономической эксплуатацией, оплатой труда на грани голодного существования (что мы сейчас принимаем как бесспорный факт того времени, не анализируя подробнее причин его возникновения), естественно вело рабочих к необходимости прибегать к единственному методу борьбы, имевшемуся в их распоряжении, — к забастовке, то есть массовому прекращению работы на промышленных предприятиях, спонтанно стихийному или нелегально организованному. Естественно, что такие забастовки протекали в формах классовой борьбы с соответствующими эмоциями, с эксцессами вооружённых столкновений, мобилизацией штрейкбрехеров, их избиениями бастующими и т. п.

По мере распространения индустриализации на другие страны распространялось и забастовочное движение, становясь фактором мирового политического и экономического значения.

Таким образом, хотя забастовки и возникли как результат экономических отношений в ранней промышленности, они с самого начала имели характер классовой борьбы, то есть явно выраженный не только экономический, но и политический смысл. Борьба велась не только за улучшение экономического положения, но и за изменение политического соотношения сил, за изменение правового положения — в данном случае промышленных рабочих.

Отметим, что так именно были восприняты забастовки и К. Марксом, включившим их в свою концепцию классовой борьбы.

Со временем забастовка становится и чисто политическим средством борьбы — борьбы не только за изменение политического положения в пределах существующей системы, но и за полное изменение такой системы, то есть становится средством революционной борьбы.

Указанное положение делает забастовку нормальным явлением там, где не обеспечены в достаточной мере права и интересы трудящихся. Так это было в большинстве европейских стран еще в течение девятнадцатого и отчасти в начале текущего века, или в странах с отсталым общественно-политическим и правовым устройством.

Существенно иначе обстоит дело в большинстве современных западноевропейских стран и близких к ним по культурному, правовому и экономическому уровню развития странах других континентов.

Действительно в этих странах все группы и слои населения пользуются полнотой политических прав, имеют политические партии, представляющие их интересы в правительственных и законодательных органах — иногда в виде легальной оппозиции, а иногда и в виде правящей партии большинства; имеют свои организации по защите специфических интересов, как профессиональные и им подобные союзы и их объединения. В этих странах имеется более или менее развитая система законов, гарантирующих ряд прав, в том числе и экономических, для всех групп населения и обеспечивающих особые льготы для более слабых в указанном отношении групп. Наконец, в них, как правило, существует общая государственная политика, направленная на сглаживание и возможное примирение противоречий, возникающих в пределах общества, в том числе и на базе экономической.

В этих условиях прибегать к забастовке, как методу достижения своих групповых целей, не оправдано, да и не необходимо. Лучшим примером тому является металлопромышленность Швейцарии, где, исходя из вышеперечисленных моментов, был заключен между представителями организованных рабочих, с одной стороны, и предпринимателей, с другой, мир и принятии обязательства разрешать все возникающие вопросы и конфликты путем деловых переговоров, на базе взаимного доверия и верности принятым обязательствам. Договор этот был заключен в 1937 году и до сего времени не нарушался ни одной из сторон. Швейцарские рабочие в результате этого во всяком случае не пострадали — как известно, они относятся к наиболее обеспеченной группе трудящихся в Европе.

Аргументом против применения забастовок, как средства улучшения своего материального, экономического положения в условиях, имеющих в экономически развитых европейских странах, является их дезорганизующее влияние на всю хозяйственную и экономическую жизнь страны.

При современном чрезвычайно сильно переплетающемся специа-

лизированном народном хозяйстве, где предприятие редко является самостоятельным производителем какой-либо продукции, а чаще — включено в сложную сеть поставщиков и потребителей различных полуфабрикатов, прекращение производства на данном предприятии не только влечет за собой выбытие его собственной продукции из баланса народного дохода, что имело и имеет место при всякой забастовке, но и косвенно отражается на очень многих связанных с ним отраслях. Так, например, уже упоминавшаяся нами забастовка металлистов в Баден-Вюртемберге в ГФР уже по истечении только одной недели вызвала необходимость сокращать производство во всей германской автопромышленности вследствие выпадения поставок некоторых специальных материалов и деталей, что в свою очередь сразу отразилось на ряде поставщиков этой отрасли производства, в частности на шинной промышленности... В то же время в самом Баден-Вюртемберге сразу стал заметен спад во многих отраслях бытового обслуживания и торговли, так как бастующие сократили пользование ресторанами, кино и особенно собственными автомобилями, что немедленно почувствовала вся сеть станций автообслуживания и бензоколонок. В результате получается, что в порядке достижения некоторых узко групповых интересов наносится значительный ущерб обществу в целом, в том числе, как это ни звучит парадоксально, и самим членам бастующей группы, так как она живет не изолированно, а связана с обществом в целом. Это обратное воздействие осуществляется в первую очередь через денежную систему, равновесие которой в результате забастовки нарушается, что в свою очередь ведет к снижению покупательной способности денег и получаемого, даже увеличенного заработка.

Благосостояние населения или страны в целом определяется в конечном итоге не количеством выплаченной зарплаты, а количеством произведенных продуктов, изделий и услуг для нужд населения, размером суммарного национального дохода. При уменьшении суммарного национального дохода в результате многочисленных или длительных забастовок общее благосостояние народа может только снизиться. Если при этом в результате тех же забастовок будет при сниженном количестве изделий и продуктов произведено существенное увеличение зарплаток, то это неизбежно приведет к росту спроса и следовательно цен, к снижению покупательной способности денег и падению реальной заработной платы. Иными словами, полученная в результате забастовки прибавка будет съедена другими результатами той же забастовки.

Не вдаваясь в более подробный анализ этих возможностей, исходящий из предпосылок и положений современной экономической теории, отметим только, что вероятно все эти обстоятельства и послужили причиной такого неожиданно быстрого компромиссного соглашения между спорящими сторонами — предпринимателями и рабочими-металлистами в Баден-Вюртемберге, когда их пригласил даже не с целью посредничества, а только для обсуждения ситуации и возможных последствий министр народного хозяйства ГФР проф. Эр-

хард. Можно предполагать, что в этом случае забастовка металлистов в Баден-Вюртемберге явится определенным поворотным пунктом в развитии профсоюзного движения в Германии и, может быть, в других европейских странах, которое может в будущем пойти по швейцарскому пути «промышленного мира».

Мы более подробно остановились на этой забастовке как на примере тех сложностей, которые такая забастовка может вызвать в экономике страны в целом. Но тут формально вопрос шел об интересах все же нескольких сот тысяч рабочих. Тем более не может быть оправдана с точки зрения даже групповых интересов такая забастовка, как печатников в Нью-Йорке, когда профсоюз, объединяющий всего три тысячи человек, вызвал длительной забастовкой исключительные трудности во всей деловой жизни страны и вынужденную безработицу большого количества работников других специальностей. Забастовка такого рода скорее может быть объяснена не экономическими, а психологическими моментами — стремлением некоторых безответственных профсоюзных деятелей-«политиканов» создать себе искусственный авторитет или проявлением резко выраженного группового эгоизма.

Для полноты картины стоит отметить, что признание забастовок нормальным средством достижения своих экономических целей, в аспекте классовой борьбы, неизбежно ведет к признанию права на локаут с противной стороны, со стороны предпринимателей, не важно — частных фирм или государственных предприятий. Мы сейчас не будем анализировать этот вопрос со стороны морально-этических оценок, отметим только, что такая «классовая концепция» неизбежно ведет к усилению и обострению отрицательных последствий больших забастовок на экономику в целом.

Последним вопросом, связанным с нашим конкретным примером, является то, каковы были фактические расхождения или противоречия между предпринимателями и представлявшими интересы рабочих профсоюзами. При начале переговоров о перезаключении коллективного договора профсоюзы выдвинули требование повышения основных ставок на 8%. В результате переговоров предприниматели уже соглашались на прибавку 4 1/2%, а представители профсоюзов, видимо, уже были готовы снизить требуемую прибавку до 6%. Таким образом расхождение составляло лишь 1 1/2% основной ставки или не более 1% полного заработка с учетом приработков всех видов. Если перевести это на полное время работы, то для того, чтобы компенсировать тот заработок, который выпал из бюджета бастующего рабочего только за одну неделю забастовки, необходимо работать около двух лет. Если учесть, что коллективный договор заключался на один-полтора года, то становится явной вся нелепость попыток экономического обоснования такой забастовки.

Резюмируя все изложенное и общая приведенные примеры, можно сказать, что забастовки в современном высокоразвитом демократическом правовом обществе, дающем большие возможности для разрешения возникающих конфликтов и столкновений групповых интересов в экономике путем мирных деловых переговоров, являются бессмысленными, приносящими боль-

ше вреда и потерь даже самим ба-
стующим, не говоря уже о тех на-
рушениях в жизни страны в целом,
которые они вызывают. Забастовка
становится оружием, направленным
не на действительного экономичес-
кого противника, а на общество и
его интересы в целом.

Но тогда встает вопрос: как же
быть с основным правом на забас-
товку и в каких случаях обоснова-
но пользование этим правом? Или
оно является только пережитком,
анахронизмом, упоминающимся со-
ставителями тех или других доку-
ментов, в частности авторами прог-
раммы НТС, лишь по некоей инер-
ции?

На этот вопрос, мы думаем, пра-
вильный ответ может быть полу-
чен из рассмотрения некоторых ос-
новных свойств самого понятия
права.

Если перечислить все права че-
ловека и гражданина, упоминаемые
в большинстве конституций, а так-
же в хартии прав человека ООН,
то их можно разделить на две ка-
чественно различные группы:

1. Права, пользование которыми
является нормальным и обычным в
повседневной жизни, — свобода
слова и печати; свобода передви-
жения; свобода выбора места жи-
тельства и рода занятия; право на
участие в формировании прави-
тельственных и законодательных
органов (выборы) и на занятие об-
щественных должностей; право на
труд и на справедливое его вознагра-
ждение и т. п. Все эти права и
возможность реально ими пользо-
ваться нормально обеспечиваются
государством, его законами и ис-
полнительными органами.

2. Права, нормально являющие-
ся только потенциальными, к кото-
рым приходится прибегать лишь в
тех случаях, когда возможность
пользования правами первой груп-
пы не обеспечивается или наруша-
ется. Последнее возможно, по мень-
шей мере, в двух случаях. Либо в
том случае, когда правовое госу-
дарство вырождается и разлагается
в силу каких-либо причин настоль-
ко, что оказывается бессильным и
неспособным обеспечить своим
гражданам действительный право-
порядок и защищать их. Либо в том
случае, если государство в резуль-
тате захвата власти какой-либо од-
ной группировкой превращается в
однопартийную или личную дикта-
туру, в тоталитарное государство.

В обоих этих случаях граждане
не только могут, но и обязаны при-
бегнуть к правам второй группы. К
ним, в первую очередь, следует от-
нести право на самозащиту, право
на организацию самообороны, пра-
во на пассивное сопротивление,
право на вооруженное восстание и
на революцию. К этой же катего-
рии относится и право на забастов-
ку вообще и на ее наиболее поли-
тически выраженную форму —
всеобщую забастовку.

В свете последнего определяется
наше отношение к забастовкам у
нас в стране.

В настоящее время, в условиях
тоталитарной диктатуры, забастов-
ки в СССР не только оправданы, но
и являются обязанностью каждого
честного гражданина, каждой груп-
пы работников. Это метод борьбы
не только экономической, но в пер-
вую очередь политической — борь-
бы за раскрепощение, за разруше-
ние существующей системы тотал-
итарной диктатуры КПСС.

Естественно может возникнуть
вопрос: а как же с теми экономиче-
скими соображениями о потерях и
нарушениях в народном хозяйстве
в результате забастовки, которые
приводят к выводу о неоправдан-
ности забастовок в условиях совре-

менного высокоиндустриального
государства? Ведь они как будто
бы остаются в силе и в случае то-
тальной диктатуры.

Конечно, забастовка и здесь ока-
жет в какой-то мере дезорганизую-
щее воздействие на непосредствен-
но ею затронутые и связанные с
ними отрасли промышленности. Но
для достижения политических це-
лей забастовки, конечно, в первую
очередь должны будут происхо-
дить на крупных предприятиях
тяжелой промышленности, в основ-
ном связанных с военным произ-
водством, производством, обслужи-
вающим пропагандный экспорт
(машины и оборудование для стран
проникновения коммунистического
влияния) и производством, изго-
товляющим оборудование для ги-
гантских новостроек, демонстри-
рующих «величие эпохи». А все это
имеет очень мало общего с народ-
ным благосостоянием. В известном
смысле нарушение в работе этих
отраслей — сокращение ее объема
— может в целом оказать даже по-
ложительное влияние на собствен-
но чистый национальный доход, на
народное благосостояние.

Далее, в этом случае речь идет не
о ничтожных процентах перераспре-
деления национального дохода,
как в случае современного право-
вого государства, и при том частич-
но поглощаемого отрицательными,
побочными последствиями забас-
товки, а о перераспределении меж-
ду народом и тоталитарной вла-

стью, захватывающей в настоящее
время львиную долю национально-
го дохода для осуществления сво-
их целей удержания диктатуры
внутри страны и распространения
ее максимально во вне. При этом в
случае успеха забастовки возмож-
ны значительные сдвиги, которые
даже при временной потере в об-
щем объеме производства поведут
к увеличению доли фактического
объема национального дохода, идущей
на удовлетворение нужд насе-
ления.

Следует учитывать и то, что забас-
товки, как и все другие виды
активной борьбы за права и против
тоталитарной системы, ведут к
расшатыванию этой системы. Ведут
к ослаблению ее мертвой хватки,
душащей всякую живую мысль,
всякую живую инициативу в лю-
бой отрасли деятельности, в том
числе и хозяйственной. Их следст-
вием явится возможность оживле-
ния, расширения индивидуальной
и групповой деятельности, направ-
ленной на удовлетворение народ-
ных нужд и выходящей за преде-
лы, установленные узкими рамка-
ми планового хозяйства. Иными
словами, если в случае нормально-
го свободного правового общества
побочные последствия забастовки
могут отрицательно сказываться на
общем уровне народного дохода и
уровне благосостояния, то в случае
тоталитарного планового хозяйст-
ва эти побочные последствия будут
действовать в противоположном
направлении, то есть в сторону по-

вышения национального дохода и
народного благосостояния.

Наконец, забастовочное движе-
ние в данном случае является эле-
ментом, составной частью обще-
го революционно-освободительного
процесса и следовательно способ-
ствует ускорению достижения це-
лей переустройства государства на
принципах права, свободы, персо-
нализма и солидарности, то есть до-
стижению целей, по своей значимо-
сти и ценности несоизмеримо боль-
ших, нежели возможное кратко-
временное и, по изложенным при-
чинам незначительное, если вооб-
ще оно будет иметь место, сниже-
ние материального благосостояния.
Достижение же этих целей, развя-
зывая творческие силы, свободную
инициативу в обществе, обеспечи-
вает возможность в самые краткие
сроки namного перекрыть этот воз-
можный материальный ущерб.

В будущем, после свершения на-
родно-освободительной революции,
задача будет состоять в том, чтобы,
воздвигая новый общественный по-
рядок, основанный на принципах
персонализма и солидаризма, от-
строить его так, чтобы не было не-
обходимости прибегать к этому
исключительному праву, так же
как и к праву, скажем, на воору-
женное восстание, однако при сох-
ранении возможности в соответст-
вующий момент прибегнуть к нему,
если правопорядок не обеспечива-
ется или серьезно нарушается.

С. КИРСАНОВ

Отпор ильичевщине

*

М. Славинский

тернака и на других неугодных ей
писателей...

Оплот партийно-догматического
мракобесия — кочетовский «Ок-
тябрь» «сигнализирует» о сопро-
тивлении независимых писателей,
строчит на них доносы. В № 4 он
пишет:

«Некоторые из молодых, чьи ошибки
были подвергнуты справедливой партий-
ной критике, «обиделись» и, не дав себе
труда спокойно разобраться, что к чему,
на всякий случай заняли «круговую обо-
рону».

В № 5 он нападает на писателя
С. Злобина — автора нескольких
весьма талантливых исторических
повестей, — который «пытался за-
щищать «Вологодскую свадьбу» А.
Яшина... возмущался резкостью
оценок... высказанных в печати».

В том же номере и по поводу той
же «Вологодской свадьбы» «Ок-
тябрь» излил гнев еще и в таких
строках:

«В печати уже критиковалась очер-
ковая повесть А. Яшина «Вологодская
свадьба» с ее галереей нравственных
уродов, долженствующих представлять
колхозное крестьянство. А послушали
бы вы, как превозносилась эта вещь на
объединенном заседании секции прозы и
критики московской писательской ор-
ганизации, посвященном обсуждению про-
зы за 1962 год!».

Попутно «Октябрь» доносит:

«На этом же заседании, кстати ска-
зать, проходившем уже после памятного
дня 17 декабря, прославлялись мемуары
И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», Ку-
рился фамилиям идейно и художественно
неполноценным произведениям некото-
рых молодых».

Следует заметить, что здесь речь
идет уже не об «ошибающихся оди-
ночках», а о целом «заговорщичес-
ком» заседании.

В Ленинграде на вечере, устроен-

ном уже после 8 марта, молодой
прозаик Михаил Демиденко, тра-
вимый партийной критикой, высту-
пил вызывая в отношении вла-
сти. Он следующим образом отре-
комендовался многочисленной ау-
дитории, заполнившей концертный
зал:

«Биография у меня сложная... Меня
выбросили из газеты «Смена»... из «Ле-
нинградской правды» тоже попросили...
И вот я решил заняться писательством...
Как видите, здесь я кое-чего добился»
(«Известия» от 23 мая).

Решением молодых писателей
Латвии в ответ на террористичес-
кие домогательства власти было —
временно закрыться в себе:

«К сожалению, еще не все наши лите-
раторы стоят на боевом посту, — писала
газета «Советская Латвия» от 13 апреля
1963 г. — Особенно это относится к мо-
лодым. Некоторые из них подверглись
справедливой критике в печати, на соб-
раниях и считают себя обиженными. На-
ходясь на неправильных идейных пози-
циях, отдельные молодые прозаики и
поэты стараются изобразить проводимые
партией мероприятия по повышению
идейности нашей литературы, как собы-
тия временные. Они даже договаривают-
ся до того, что надо-де устоять, буря уй-
дет и снова будет тихо».

В Армении антипартийное свое-
волие проявили редколлегия «Ли-
тературной газеты» и президиум
Союза писателей республики в пол-
ном составе. Республиканская газе-
та «Коммунист» — орган ЦК КП
Армении — в номере от 29 марта
писала:

«7-го февраля 1963 г. в газете «Комму-
нист» была опубликована статья... в ко-
торой содержались критические замеча-
ния об ошибках, допущенных в материа-
лах 12-го номера журнала «Советская
гражданка» за 1962 г.

Можно было ожидать, что редакцион-
ная коллегия журнала сделает из кри-
тики газеты правильные выводы. Но

(Окончание см. на 16-ой стр.)

расписания этой самой железной дороги. Были у нас и экспрессы, и курьерские, и скорые, и ускоренные, и почтовые, и даже товаро-пассажирские поезда. Расписание составлено было по всем правилам — станции, где находились буфеты, обозначались перекрещенными вилкой и ножом, а спальные вагоны — маленькими кроватками. До конца мы его так и не довели — преодолели Сибирь, Аляску, Канаду, добрались до Чикаго — и тут подвернулось лето, каникулы, Днепр, лодка — вещи, куда более соблазнительные. Сейчас, тридцать с лишним лет спустя, сидя в мягком кресле «The Executive», я невольно вспомнил о нашем незавершенном труде. Когда несколько дней спустя мы приехали в Чикаго, я тут же на вокзале купил расписание «Огайо—Балтимор рэйлуэй» Чикаго — Нью-Йорк, запечатал его в конверт и отправил в Москву уже не Яске, а Якову Михайловичу — геологу, историку, полиглоту, человеку, несмотря на его солидный возраст, не потерявшему чувства юмора, — а вдруг ему захочется довести до конца прерванное тридцать лет тому назад такое нужное, большое дело. Увы, по непонятным для меня причинам пакет до адресата так и не дошел: юмор, очевидно, на страницах не в почете.

В проспектах сказано, что Вашингтон — по-английски Уошингтон — самая красивая столица в мире. Самая или не самая, не берусь судить — боюсь, что авторы проспекта несколько преувеличивают, но то, что Вашингтон в репрезентативной своей части действительно красив — это бесспорно. Особенно осенью, с горячей всеми оттенками желтого, оранжевого, красного листвой, с медленно кружающимися в воздухе кленовыми листьями, с беломраморными дворцами на фоне синего-синего неба и дружелюбными серенькими белочками, прыгающими по деревьям и ярко-зеленым свежим газонам.

Вашингтон — самый неамериканский из всех американских городов. В нем почти нет промышленности, улицы его широки и зелены, дома невысоки. Это тихий, спокойный, очень рано ложащийся спать город чиновников. Вашингтон относительно молод — он ровесник Лениградца, — и если так уж необходимо выделить его среди столиц мира, то согласимся с тем, что сказано в путеводителе: Париж, Рим и Лондон стали столицами по воле обстоятельств, Вашингтон — по воле проекта, сделанного его основателями. Это верно: Вашингтон весь придуман. Придуманнее его, пожалуй, только столица Австралии Канберра и совсем еще юная Бразилиа. Вашингтон — это две регулярные сетки, наложенные одна на другую, — квадратная и диагональная. Квадратная состоит из перпендикулярных и, если можно так сказать, перебуковенных улиц (есть А-стрит, В-стрит и так до Z), диагональная — из авеню, носящих названия штатов: Пенсильвания, Массачусетс, Вирджиния, Мэриленд, Нью-Йорк и т. д. Центр — Капитолий. От него в сторону реки Потомак — широченная зеленая полоса, заключенная между двумя единственно не диагональными авеню — Индепенденс и Конститушн. Заканчивается полоса мавзолеем над Потомаком — Линкольн-мемориал. Между Капитолом и мавзолеем, ближе к мавзолею, стошестидесятиметровый обелиск — Вашингтон-монумент. К северу от него, в центре города, на пересечении Пенсильвания и Нью-Йорк-авеню — Белый дом. Вот и весь, в общем очень простой, планировочный принцип Вашингтона. Автор проекта — француз Пьер Шарль Л'Анфан.

Вашингтон — самый неамериканский из всех американских городов, и все же, как и повсюду в Америке, в нем есть свое «самое большое». Вестибюль вашигтонского вокзала (Юнион стэйшен) — 750X130 футов — самое большое в мире помещение! Национальная галерея искусств — самое большое в мире мраморное здание! Мартин Корпис-мемориал — памятник морской пехоте — самый большой в мире бронзовый памятник! Арлингтонский мост — самый большой в мире разводной мост! Вашингтон-монумент — самый большой каменный, а может быть, и масонский (масонгу: каменный, масонский; Джордж Вашингтон был масоном) обелиск в мире! Храм Непорочного Зачатия — самый большой католический собор в США (и один из семи самых больших в мире), а в северной абсиде его — самое большое в мире мозаичное изображение Христа (голова размером 8X5 футов, расстояние между распростертыми руками тридцать четыре фута, камни мозаики четырех тысяч оттенков).

А в общем, что там ни говори, Вашингтон очень красив. Я не большой поклонник эклектики и всякого рода подражательных стилей и все же не могу не признать, что бело-розово- и золотисто-мраморные «греческие» портики и колоннады зданий и музеев, утопающих в зелени парков, производят сильное впечатление. Особенно ночью, когда подсвеченные фонтаны изливают каскады воды различных цветов и оттенков, а купол Капитолия и Вашингтон-монумент точно светятся изнутри.

Капитолий — не лучшее здание столицы: он помпезен, многословен, выдержан в самых что ни на есть традиционных формах парламентских зданий XIX века, зато обелиск Вашингтона, предельно лаконичный в своей геометрической простоте — мраморная игла, вонзающаяся в небо, — достоин имени того, чья память он увековечил. Обелиск строился долго, очень долго: сорок лет — с 1848 по 1888 год. Высота его 160 метров, точнее 555 футов и 5 1/8 дюйма. С вершины его (там специальное помещение, куда за семьдесят секунд подымаешься специальным лифтом) открывается очень красивый вид на город и его окрестности. Вниз мы спустились по железной лестнице. Занятие довольно утомительное, но зато мы увидели и пощупали камни, из которых обелиск столь долго (помешала гражданская война) возводился. Среди них — промадные блоки с дарственными надписями от отдельных лиц, обществ, городов, штатов, даже государств. Есть и уникальные камни, куски Парфенона, Карфагена, прогнившие Наполеона с острова Святой Елены, капеллы Вильгельма Телля из Швейцарии. Может быть, это самое трогательное во всем памятнике.

Недалеке от обелиска высится другой памятник другому сыну Америки — Линкольн-мемориал, некий парафраз афинского Парфенона, строгий, ослепительно-белый, весь из колорадского мрамора. Это не прогнившая, это скорее храм, воздвигнутый в честь великого президента. Сам Линкольн, высеченный из мрамора, очень задумчивый, серьезный, немного прустный и усталый, сидит в мраморном

кресле, выдвинув правую ногу немного вперед и положив большие красивые руки на подлокотники кресла. Мне ничего не говорит имя автора этой скульптуры — Даниэль Честер Френч, — но могу смело сказать, что по силе психологического проникновения художника в образ изображенного им человека я, пожалуй, не много могу назвать подобных памятников в галерее так называемого официального искусства нашего времени. Поразительное сочетание мудрости, спокойствия, воли и в то же время, я бы сказал, трагизма. Кажется, что сидящий перед тобой в полумраке прохладного мраморного зала великий человек предвидит не только свой собственный трагический конец, но и всю сложность и противоречивость судьбы народа, которому он посвятил и отдал свою жизнь. И глядя на его задумчивое, печальное лицо, невольно задаешь себе вопрос, особенно невеселый для нас, русских: мог ли предположить Авраам Линкольн, борец за правду и справедливость, что пройдет не многим более полустолетия — и кое-кто из его преемников, преемников Вашингтона и Джефферсона, попытается задуть рождавшуюся на другом конце земного шара молодую Советскую республику.

Я упомянул имя Джефферсона — третьего президента Соединенных Штатов, — имя человека, которого очень чтят американцы. Томас Джефферсон — выдающийся американский просветитель XVIII века, автор Декларации Независимости, друг Кондорсе и Кабаниса, последователь Жан-Жака Руссо — был, если можно так сказать, самым революционным из американских президентов. Он приветствовал и пытался поддерживать Великую французскую революцию, выдвинул теорию развития революции по мере распространения просвещения в массах и осознания ими своих прав. Он обличал ограниченность американской революции XVIII века, не уничтожившей рабства, не разрешившей аграрного вопроса в интересах народа, не обеспечившей ему подлинных политических прав, он предсказывал неизбежность новых революций в США. Ныне традиции Джефферсона используются прогрессивными силами Америки в борьбе за истинную свободу и демократию.

Памятник ему — Томас Джефферсон-мемориал, круглая колоннада с куполом — высится сейчас на берегу живописного озера и, как говорят, особенно красив весной, в апреле, когда весь утопает в розовом море цветущего вишневого сада — подарок городу Вашингтону от города Токио в 1912 году.

Вашингтон тих, спокоен, рано ложится спать. В задумчивых водах его озер отражаются памятники былой славы, по газонам прыгают белочки. В промадных залах Национальной галереи развешены бесценнейшие полотна Джотто, Рафаэля, Гольбейна, Вермеера, Рембрандта, Констэбля, Ренуара, Дега, Мане. В смитсоновском институте — одном из интереснейших музеев Америки — висят за стеклом исторические мундирки Джорджа Вашингтона и генерала Гранта, бережно хранятся аэроплан братьев Райт и знаменитый «Спирит оф Сан-Луи», на котором Чарльз Линдберг пересек океан 20-21 мая 1927 года за тридцать три с половиной часа.

А в Уокс-музее — музее восковых фигур — при желании вы можете даже сняться вместе с Франклином и Джефферсоном за точной копией того самого стола, где подписывалась Декларация Независимости, а потом увидеть свою фотографию в «Уошингтон обсервер». Короче говоря, в Вашингтоне «есть что посмотреть».

Мы бродили вдоль изящных решеток Белого дома, такого красивого и спокойного в тени вековых лип и вязов, а на следующий день, 8 ноября, должно было решиться, кто же станет новым хозяином этого дома — Никсон или Кеннеди. Вашингтонец по конституции лишен избирательного права, но он может слушать радио, смотреть телевизор. В этот вечер мы тоже сидели у телевизоров и слушали Кеннеди и Никсона.

Два молодых, энергичных миллионера. Кто из них победит? И что даст миру победа одного из них? В Нью-Йорке мы видели сотни плакатов и фотографий двух улыбающихся претендентов, через Бродвей протянуты были промадные полотнища, призывающие голосовать за этого, а не за того, на перекрестках какие-то молодые люди со звонкими голосами раздавали листовки и вступали в дискуссию, а на углу 42-й стрит и Бродвея мы видели даже Генри Кэбот Лоджа — кандидата в вице-президенты от республиканской партии: он ехал в украшенной флагами машине и тоже что-то выкрикивал в мегафон.

Нам, советским людям, это состязание двух крупнейших капиталистов мало что говорило. Не все ли равно, кто из них победит? Одного поддерживают одни могущественные тресты и монополии, другого другие. Борьба между Слоном и Ослом (символы двух соперничающих партий — демократической и республиканской), — борьба, стоящая десятилетиями, нам порой казалась смешной и наивной. Но американец другого мнения. Люди левого толка, с которыми мы встречались, определенно склонялись к кандидатуре Кеннеди. Он, мол, и моложе (таких молодых президентов еще не было — сорок два года!), и прогрессивнее, и на войне отличился, и вообще, дорогие друзья, в нашей внутренней политике вам разобратся все-таки трудновато, поверьте, мы знаем, за кого голосовать. И вечером девятого числа, сидя, как все американцы, у телевизора, мы следили за подсчетом голосов и тоже «болели» за Кеннеди.

С того дня прошло два года. В мире многое за это время изменилось. А с Америкой у нас по-прежнему напряжение. Тысячные очереди стоят в Нью-Йорке за билетами на балет Большого театра, овациями сопровождаются выступления моисеевского ансамбля, москвичи с нетерпением ждали прибытия нью-йоркского балета, на концерты Клиберна невозможно достать билеты, «Моби Дик» с иллюстрациями Рокуэлла Кента был распродан в течение одного дня, а на заседаниях в ООН и в Женеве мы по-прежнему не можем договориться.

Я помню картинку в одном американском журнале первых послевоенных дней: дядя Сэм через океан пожмает руку белокурому парню в косоворотке — Ивану. А внизу подпись: «Наша дружба — залог мира». Так писали в 1945 году. Неужели же сейчас, в 1962-м, это не должно быть так?

В южной части Арлингтонского национального кладбища на по-

стамента из полированного лабрадора шесть бронзовых американских солдат водружают звездно-полосатый флаг на воображаемой вершине горы Сурибаки острова Иводзима. Воодружение это произошло 23 февраля 1945 года на далеком тихоокеанском острове и, отлитое сейчас в бронзе, символизирует доблесть солдат американского морского корпуса. Трое из шестерых погибли на том же острове, четвертый, индеец Айра Хайс, умер в 1955 году и похоронен неподалеку от памятника, двое же остальных, очевидно, живы и могут в любой момент прийти полюбоваться на свое собственное изображение в бронзе.

Памятник этот может нравиться и не нравиться: он очень динамичен и в то же время репортерски фотографичен (говорят, что автор его, скульптор Уелдон, при работе действительно пользовался фотографией), но, глядя на этот памятник, невольно задумываешься. Шестеро смелых ребят в касках водружают знамя на вершине горы, о существовании которой, вероятно, совсем недавно еще не имели никакого понятия. Что их привело сюда? За что трое из них отдали свои жизни и похоронены на чужой земле?

Всему миру известен вклад Америки в дело борьбы с фашизмом. Имя Франклина Рузвельта почитаемо во всех уголках земного шара. Соединенные Штаты не знали, правда, ужасов оккупации, разрушений и варварских бомбардировок, но американские солдаты гибли в Пирл-Харборе и на Филиппинах, в Персидском заливе и на Соломоновых островах, под Монте Кассино и на Гималаях. Триста тысяч молодых американцев никогда больше не вернутся домой. Американцы познали не только торжество победы, но и горечь поражения — тот же Пирл-Харбор, трагедия Коррехидора и Батаана, тревожные дни начала сорок второго года, когда, казалось, еще немного — и Япония доберется до Австралии, до берегов самой Америки. Нам в те дни было намного тяжелее, и мы ничуть не склонны преуменьшать свои заслуги в войне, и все же мы, русские, никогда не забудем оказанную нам помощь в те тяжелые дни — и танки «шерман», и аэрокобры, и «студебекеры», и свиную тушенку, и то, чего не видели мы на фронте, но получала наша промышленность.

Обо всем этом невольно вспоминаешь, глядя на памятник шестерым американским солдатам. Ведь они воевали так же, как и мы, против фашизма. Воевали далеко от своей родины, зная, что дома у них все спокойно. И трое из них погибли. За что? Неужели за то, чтоб повязки со свастикой появились на рукавах американской молодежи, чтоб в штаб-квартирах американской нацистской организации «бурчинов» висели портреты Гитлера и вновь раздавалось знакомое «зиг-хайль!»? Я знаю, организации эти малочисленны, большинство американцев относится к ним презрительно и враждебно, но они все-таки есть, и об этом трудно не думать у памятника людям, воевавшим против самого человеконенавистнического, что было на земле, — фашизма.

*

Две недели в автобусах «Америкэн экспресс»...

«Господа, господа, не задерживайтесь, впереди еще два музея, аквариум и посещение редакции «Чикаго-сан». Мчимся в автобус, рассаживаемся и едем в музей, аквариум, редакцию. В голове все мещается. Что было после чего? Что мы видели? Что мы пропустили? Что нам заменили? Что еще осталось? «Господа, подъем в восемь. В девять завтрак. В девять тридцать завод Форда, затем Гринфилд-вилледж, Музей Форда, лаборатория Эдисона, мастерская братьев Райт. В пять выезжаем в Детройт, оттуда в Буффало и автобусом до Ниагара-Фолс...»

Как в кино, мелькают фордовский конвейер, обрастающие деталями корпуса автомашин, проворные неторопливые рабочие руки, «фордики» двадцатых годов с медными клаксонами, любимое кресло Эдисона, колбы, реторты, фонографы, угольные лампочки, верстаки, тиски — «те самые, на которых...», мастерские, типография, кузница — «та самая, в которой...». Голова идет кругом. «Господа, подъем в восемь, завтрак в девять...»

Музеи, музеи, музеи... Эх, людей бы! Посмотреть бы, как живут, чем занимаются, о чем думают...

Тот самый киевский газетчик, назовем его К., член нашей туристской группы, который мучился тем, что ему не о чем будет писать, так как нам не показали еще трущобы, вернувшись домой, с места в карьер стал выступать с докладами. По городу развешены были афиши «Америка, ноябрь 1960 года». Я пошел на один из этих докладов. К. очень обстоятельно говорил о трущобах, о безработице, о нищете, о нью-йоркских улицах, где никогда не бывает света, о тяжелых условиях труда, дороговизне квартир, низкой зарплате, забастовках. Его спросили о ценах на товары. Он ответил, что этим не интересуется. По залу прокатился шепоток. Молодой парнишка, стеснясь, спросил, как обстоит в Америке дело с алкоголизмом, много ли там пьют? К. ответил:

— Много. В Вашингтоне, нет, виноват, в Чикаго мы видели одного пьяного, он еле держался на ногах.

По залу прокатился хохот. Мне было стыдно, хотя я и понимал, что такого, как К., слава богу, не встречаешь на каждом шагу.

Другой журналист, наш, советский, проживший в Нью-Йорке около четырех лет, говорил мне:

— Америка действительно страна контрастов. Причем контрастов разительнейших. Нищета и богатство, красота и уродство — все это рядом. Но когда говоришь о контрастах, надо придерживаться все-таки каких-то пропорций черного и белого. Прошу вас, если вы будете писать об Америке, придерживайтесь хотя бы, как здесь говорят, фифти-фифти — пятьдесят на пятьдесят. И не пишите, что американская молодежь интересуется только рок-н-роллом и бейсболом. Интересно, даже увлекается, но газеты, поверьте мне, тоже читает. И журналы и книги. И вашу статью прочтет. Учтите это, чтобы потом не краснеть.

И еще один журналист. На этот раз американец, но хорошо знающий русский язык и неоднократно бывавший у нас. Он спросил меня (это было два года спустя, в Италии), собираюсь ли я писать об Амери-

ке и если да, то могу ли я не кончать свой очерк строками о трудолюбивом, талантливом и мужественном народе, который автор, несмотря ни на что, полюбил, хотя и пробыл в Америке недолго.

— Я начну вашу статью с конца, — сказал он, — и, если там будут эти строки, не стану ее читать — значит, она необъективна.

Я пообещал ему кончить свой очерк какой-нибудь другой фразой и в свою очередь спросил, как он заканчивает свои статьи о Советском Союзе. Он улыбнулся и сказал:

— По-разному. Но однажды кончил именно так, научившись этому у вас, поэтому и предостерегаю.

Парень он был неплохой и, как я потом узнал, в своих статьях, печатавшихся в не слишком просоветском журнале, придерживался фифти-фифти.

Я лично никаких пропорций придерживаться не собираюсь, более того, я по мере возможности стремлюсь избегать обобщений (все-таки слишком мало видел), я сам пытаюсь разобраться в увиденном, в тех мыслях и ассоциациях, которые возникали у меня от того или иного явления в Америке, от той или иной встречи. На большее я не претендую.

Несколько выше я писал об американской молодежи. Удалось ли мне ее узнать? Ведь за две недели я сталкивался с ней всего три раза. Первый раз — с русским, Володей, второй — в поезде со школьниками, и третий раз — с двумя студентами Колумбийского университета. В сумме своей это что-то дало, но боюсь, что именно «что-то», не более. И все же...

Встреча с колумбийскими студентами меня разочаровала. Впрочем, тут для меня не все ясно. Когда мы уезжали из Нью-Йорка в поездку по стране, Тадеуш Осипович, наш словоохотливый гид, сказал, что, когда мы вернемся в Нью-Йорк, мне обязательно надо будет встретиться со студентами русского отделения Колумбийского университета, которые, мол, об этом очень просили. Я, конечно, тут же согласился: что может быть интереснее?

По возвращении в Нью-Йорк — на второй, кажется, день — мы всей группой пошли в университет. Тадеуш Осипович опять предупредил меня, чтоб я не забыл о студентах, которые ждут встречи. Хорошо. Пришли. Приняли нас очень мило в каком-то небольшом зале для торжеств. Сказаны были необходимые слова приветствий, потом мы разбились на маленькие группы, и физики пошли к физикам, историки к историкам, а я отправился на поиски тех самых студентов, о встрече с которыми давно мечтал. Сопровождал меня в этих поисках профессор Мэтьюсон, преподаватель русской советской литературы. Немолодой уже, приветливый господин, превосходно говоривший по-русски, автор книги о положительном герое в советской литературе. О встрече этой он ничего не знал, но предложил свои услуги в поисках студентов. Зашли мы в несколько аудиторий, заглянули в библиотеку русского отделения — никого нет. Проходили мы так с полчаса, если не больше, кого-то останавливали, кого-то спрашивали, но так никого и не нашли. Почему? Не знаю. Профессор Мэтьюсон явно был озадачен и даже, я бы сказал, смущен. Мы зашли в студенческое общежитие (к олову сказать, похожее на нашу московскую гостиницу «Юность», только побольше), но и там никого не нашли. Веселые ребята и девушки, обегавшие по лестнице, приветливо нам улыбались, на наши вопросы пожимали плечами и убегали дальше. С горя мы двинули в студенческий ресторан.

— Сядем вот за тот столик, — сказал профессор Мэтьюсон. — Там как будто славные ребята.

Ребята оказались действительно славными, с оимпатичными интеллигентными физиономиями. Но, должен признаться, большего равнодушия к моей персоне за все свои поездки за границу я еще не встречал. Ребята любезно и вежливо, похлебывая кофе, отвечали на все мои вопросы, но сами не задали ни одного. Я им был просто не интересен. Представляю, что творилось бы в столовой нашего университета, если бы глупа зашел и подсел к чьему бы то ни было столику пусть самый обыкновенный американский парень, я не говорю уже о журналисте или писателе. Какой завернулся бы спор, сколько пододвинуто было бы стульев. Ничего подобного здесь не произошло. Ребятам просто со мной было скучно, несмотря на всяческие подстегивания профессора Мэтьюсона, пытавшегося их растормошить. Мне кажется, что оба они даже с облегчением вздохнули, когда мы стали прощаться.

Почему так произошло? Я не знаю. Я ведь был первым советским человеком, которого увидели эти два молодых американских студента. На какую-то долю секунды в самом начале встречи зажегся в их глазах огонек любопытства и сразу погас. А вот мальчишки в поезде Буффало—Нью-Йорк всем интересовались и задавали тысячи вопросов.

В фильме «Америка глазами француза» (люди, знающие Америку, говорят, что там многое правдиво схвачено) показана различная американская молодежь: и пляжно-рок-н-ролльная и пьяно-карнавальная, и веселые солдаты на ковбойских состязаниях уголовников, и будущие отцы семейств, проходящие на куках курс ухода за детьми, и красивые мальчишки и девочки, живущие с того, что снимаются для журнальных обложек и реклам, и юные преступники с мрачными лицами, которых уводят за решетку... В Гринвич-вилледж (нью-йоркский Монмартр) я тоже видел «веселящуюся» молодежь. Один раз малеванный во все цвета радуги пьяный парень ходил взад и вперед по тротуару и все кричал о том, что ему наплевать, кто будет сидеть в Белом доме — Кеннеди или Никсон, куда важнее, кто находится сейчас в Кремле?! Все это есть, я знаю, и, вероятно, даже в значительно большем количестве, чем это показано в фильме, но как-то не хочется верить, что нет другого. Конечно, есть, наверное есть, но я, увы, не столкнулся. Поэтому я так жалею, что не встретился с теми студентами, которые меня пригласили и которых я не смог обнаружить. Кто в этом виноват? «Америкэн экспресс», Иван Иванович, профессор Мэтьюсон, студенты, я сам? Не знаю. Во всяком случае, мне кажется, не я...

По этому случаю судить, конечно, трудно, но за две недели, что

я пробыл в Америке, я не сдружился, не облизился ни с одним американцем. Не то что в Италии с итальянцами. Мой «итальянский блокнот» заполнен адресами, в «американском» — два-три случайных телефона. И это при американской общительности и простоте в отношениях.

Что поделаешь, придется об американцах, их вкусах, стремлениях, симпатиях говорить косвенно, опираясь на то, что мне было более доступно. Портрет получится не очень почтительный, не очень ясный, как бы освещенный отраженным светом, но тут уж ничего не поделаешь.

Одним из таких «отражений» является, безусловно, искусство.

Очень ошибаются те, кто думает, что абстрактное и вообще так называемое «левое» искусство в Америке в почете. Ничуть не бывало. Правда, на нью-йоркском аэродроме Айдауайлд с потолка вестибюля свешивается и медленно вращается некая многолопастная конструкция, считающаяся скульптурой (кстати, сама по себе она очень понравилась, в ней есть что-то птеродактильно-геликоптерное, иными словами — авиационное), есть в Нью-Йорке и специальный музей новейшего, наилейшего искусства, Музей Соломона Р. Гуттенхайма на 5-й авеню, есть в Америке и богатые коллекционеры, не жалеющие денег на покупку всякого рода «сверхлевых» ухищрений, но в массе своей американец не любит такого искусства, он любит искусство «похожее».

Я, например, очень люблю польский плакат. Мне кажется, что в этой области (так же как и в кино) поляки нашли свой собственный, очень выразительный и не похожий на другие язык. Польский плакат при всех качествах, необходимых плакату — броскости, запоминаемости, лаконичности, — прежде всего произведение искусства. В польском плакате нет назидательности и риторики (чем, увы, часто прешим мы в своих плакатах) — он образен и поэтичен. Вспомните хотя бы плакаты шопеновского конкурса или знаменитый антивоенный плакат «Nie!» — три элемента: бомба, руины и краткое, выразительное слово. В Америке такой плакат не прошел бы. Американский плакат предельно натуралистичен, фотографичен. Обложки журналов, книг тоже. На стенах небоскребов, у входов в кино, по бокам автострад, везде — промадные красавицы, красавцы, ковбои, гангстеры, улыбающиеся или не улыбающиеся физиономии, и все это очень добротно, старательно и, главное, сделано страшно «похоже». Условности никакой.

Я говорю сейчас о самом утилитарном виде искусства, потому что он самый доходчивый и больше всего свидетельствует о «широких» вкусах. Но если говорить о «большом» искусстве, то и в нем мы сталкиваемся в большинстве своем с тем же. Очень характерен, к примеру, тот самый памятник морской пехоте, о котором я уже говорил. Его фотографичность, всамделишность усугубляется еще тем, что само водружаемое зная не бронзовое, а самый что ни на есть матерчатый, развевающийся по ветру американский «старз энд страйпс» — звезды и полосы.

Да, памятник этот вызывает определенные эмоции, даже сильные, я об этом уже говорил, но я остерегся бы назвать его произведением искусства. В этом памятнике есть рассказ о некоем волнующем событии, но в нем начисто отсутствует образ, а без образа, как известно, искусству, особенно изобразительному, трудно вато. (Кстати, по-украински «изобразительное» — «образотворче», что, по-моему, очень точно.)

Образ... Как часто мы о нем говорим и как часто забываем, что без него искусства нет. Мертвая и живая вода. Мертвая только склеивала раздробленное тело, живая вселяла в него душу, жизнь. Памятник морякам — мертвая вода. А вот памятник разрушенному Роттердаму — живая. Многие москвичи помнят экспонировавшуюся в 1961 году на французской выставке в Москве его бронзовую копию (оригинал работы выдающегося французского скульптора Цадкина стоит в Роттердаме). Большинство посетителей возмущалось скульптурой, издевалось над ней, в лучшем случае пожимало плечами: «Что это — человек или кусок рваного железа?», «И почему у него в животе дырка?», «А где лицо?», «Нет, это не искусство, это черт знает что!» Мне было больно слушать. Больно, потому что роттердамский памятник, памятник варварски уничтоженному городу и тысячам погибших людей, тщетно вызывающих к справедливости, памятник этот — страшный, кричащий — произведение большого, настоящего искусства, это живая вода.

Живая вода... А сколько лет нас поили и мертвой.

Недалеко друг от друга, по обе стороны Арбатской площади, стоят два памятника. Оба Гоголю. Один работы Андреева, другой — Томского. В свое время самодовольный, напыщенный Гоголь Томского пропал вместе с пьедесталом андреевского Гоголя и стал на его место. И стоит до сих пор. Не знаю, как другие, но я всегда обхожу его, пересекаю Арбатскую площадь с другой стороны. А если есть время, обязательно захожу в маленький дворик на Никитском бульваре, где рядом с домом, в котором он умер, сидит в раздумье, накиннув шинель на плечи, не «мертвый», а «живой» Гоголь. Это один из прекраснейших памятников в мире. Я прошу читателя не полениться зайти в этот дворик и обойти памятник по полукружью, от правого плеча Гоголя к левому. И вы увидите нечто совершенно необычайное. Вглядитесь в его профиль, в его лицо — перед вами Гоголь «Вечеров на хуторе близ Диканьки» — мягкий, чуть иронический. Двигайтесь по полукружью — на ваших глазах он меняется. С последней почки это уже Гоголь сомнений, мистики, сожженных «Мертвых душ»... Подобной трансформации я не видел нигде и никогда.

Андреевский Гоголь был изгнан. Теперь он нашел свое место, может быть, даже лучшее, чем было. И здесь мне хочется заступиться еще за один памятник, тоже изгнанный, но до сих пор так и не нашедший своего места. Снятый с пьедестала, вот уже сколько лет он стоит во дворе Русского музея в Ленинграде, и никто его не видит, а молодежь просто даже и не знает о его существовании. Речь идет об Александре III Паоло Трубецкого. Без преувеличения этот памятник

можно назвать в своем роде уникальным. Я не знаю другого равного ему по силе обличения. В пружной, торжественно-самодовольной фигуре царя-миропловца, восседающего на массивном, расставившем ноги битюге, — все бесправие самодержавной России. Когда-то, когда памятник еще стоял на площади Восстания перед Московским вокзалом, на пьедестале высечены были слова Демьяна Бедного:

Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел посмертного бесславья.
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Так этот памятник и назывался — Пугало. Зачем его сняли? Кому это пришлось в голову? К слову сказать, открытие его в 1909 году вызвало скандал. Царские сановники, да и сам Николай II поняли, что это злая карикатура, сатира. Почему же мы сейчас не хотим этого понять?

В отдельном зале Национальной галереи в Вашингтоне висит картина, называемая «Тайная вечеря». Автор ее Сальватор Дали. Перед ней всегда много народу. Не многие картины удостоились такой чести — висеть в отдельном зале.

Сальватор Дали — один из знаменитейших художников Запада. Он испанец, но вот уже более двадцати лет живет и более чем процветает в Соединенных Штатах. Поэтому, хотя я и остерегаюсь причислить его к американским художникам, мне хочется сказать о нем несколько слов.

Сальватор Дали — сюрреалист. Течение это не новое, ему никак не меньше сорока лет. Наиболее известные представители его Андре Бретон (его называют «папой сюрреализма»), Ганс Арп, Макс Эрнст, Миро, Андре Массон, Ив Таяги, Рене Магритт. Но, конечно же, самый знаменитый, самый сенсационный, самый шумный, самый экстрагантный и, я бы позволил себе сказать, самый талантливый среди них — это Сальватор Дали.

Ему под шестьдесят, но он полон энергии. У него эффектнейшие колючие, почти как у Вильгельма II, усы, известные всему миру, так как Дали очень любит фотографироваться. Он охотно дает интервью, считает себя философом и даже написал две книги: «Тайная жизнь Сальватора Дали» и «50 секретов магического искусства». Он любит сенсации и всякого рода сногшибательные проделки. Не помню уже точно, да это не так уж и важно, но где-то в Италии на каком-то им самим поставленном спектакле он сидел в ложе и раздувал по залу золотой порошок. Во время работы он носит на носу бумажку, так как нос ему мешает, мол, работать. На какой-то из своих выставок в Нью-Йорке он поставил в витрину ванну, обшитую изнутри шерстью, в которой лежала красавица, потом влез в витрину, перевернул ванну и разбил витрину...

Но все это так сказать, к слову. Просто я поддался на удочку американских газет, столь падких до сенсаций и всяческого рода чудачеств различных знаменитостей. Если же говорить серьезно, то Дали — художник, наделенный изощренной фантазией, превосходный рисовальщик, и, глядя на его работы, видишь, сколько большого и нелегкого труда в них заложено. Это не тят-ляп, не «Заход солнца на Адриатическом море» знаменитого осла, это труд.

Если верить Большой Советской Энциклопедии (см. том 41, статья «Сюрреализм»), то «известный представитель сюрреализма — живописец Сальватор Дали пишет картины, восхваляющие атомную войну». Сказано кратко, выразительно, но, к сожалению, не совсем соответствует истине. Никакую войну Дали, конечно, не восхваляет, и вообще он ничего не восхваляет и не осуждает. Сальватор Дали, как и весь сюрреализм, явление гораздо более сложное, хотя и вполне закономерное на пути развития западного искусства.

Я не собираюсь подробно разбираться в сущности этого явления, прародителем которого является безусловно Фрейд с его культом подсознательного. Хочется разобраться в другом: почему музеи и выставки с абстрактным искусством почти пусты, а перед картинами Дали всегда толпы?

Для иллюстрации постараюсь рассказать (если можно так выразиться) одну из картин Дали, которая называется «За секунду до пробуждения от жужжания пчелы, летающей вокруг граната». Уже одно название привлекательно, не правда ли? А содержание еще более завлекательно. Над какой-то плоской скалой, напоминающей остров, спит, закинув руки за голову, парящая в воздухе прекрасная обнаженная женщина. Рядом с ней тоже парит в воздухе плод граната. Вокруг граната вьется пчела. Над женщиной нависла скала. Но это не самое страшное. Над морем или пустыней, раскинувшейся вокруг спящей женщины, опять-таки парит в воздухе другой, большой уже плод граната, надкушенный, теряющий зерна. Из этого плода вырывается страшная рыба с разверстой пастью. Из ее пасти выскакивает не менее страшный, громадный зубастый тигр, из пасти которого в свою очередь выскакивает другой тигр, поменьше. Сейчас они оба вонзят свои когти в тело прекрасной женщины. Но и это не все. Из пасти тигра, что поменьше, вылетает ружье со штыком, и через секунду штык вонзится в закинутую за голову руку красавицы. А сзади, на горизонте, шествует слон на бесконечно длинных, суставчатых, как у насекомого, ногах. На спине слона обелиск.

Бред? Да, бред... Но к этому-то и стремится художник. Его мир — это мир кошмаров, галлюцинаций, подсознательного, иррационального. Страшно, непонятно, но, ей-богу же, занятно. Зритель толпится: «Смотри, смотри, какая рыбища... А тигр, тигр, совсем как живой... А почему слон на таких ногах?.. И что все это значит?» Должен признаться, мне тоже было интересно, мне тоже хотелось разгадать, «что хотел сказать автор своим произведением». Головоломка, кроссворд... Но от них иной раз невозможно оторваться, хотя и понимаешь, что попусту тратишь время.

(Окончание следует)

Отпор ильичевщине

(Окончание. Начало см. на 3-й стр.)

редколлегия журнала стала на путь отставания своих ошибок...

Президиум Союза писателей Армении, обсудив вышеуказанные статьи, одобрил данное заключение редакционной коллегии журнала.

Кстати, упомянутый журнал уже подвергался партийным репрессиям в 1957 году...

Газета «Советская Молдавия» от 29 марта писала об упорстве художника, который не сошел со своих позиций ни после первой, ни после второй «встречи».

«Художник М. Г. Греку, которого справедливо, по-товарищески критиковали на собрании, желая ему помочь определить свои позиции, проявил пренебрежение к правильным, доброжелательным замечаниям в его адрес (о «доброжелательности» представителей власти можно составить весьма четкое представление по площадной брани, которой пестрят выступления Хрущева, Ильичева и других партийных «деятелей» по вопросам литературы и искусства. — М. С.). Выступление тов. Греку было путаным и невнятным. Художник не нашел в себе мужества признать критику товарищей, по-существу пересмотреть свое отношение к искусству, к роли искусства в нашей действительности».

*

До сих пор мы говорили о сопротивлении писателей и деятелей искусства. Теперь расскажем о том, как молодежь поддерживает преследуемых писателей. Газета «Советская Молдавия» в номере от 29 марта сообщила о коллективной демонстрации в пользу гонимых писателей:

«Недавно Кишиневский горком комсомола создал клуб молодых специалистов. Этот клуб завоевал популярность, на его вечерах всегда многолюдно. Но проводимые здесь дискуссии заставляют о многом задуматься. На одном из диспутов разбиралось, и, как ни странно, было одобрено творчество поэта Б. Окуджавы, отличающееся налетом пессимизма. На другом диспуте, посвященном претенциозной теме «Эренбург и Ермилов», некоторые его участники соглашались с провозглашенным Эренбургом «принципом молчания» в годы культа личности».

Партийные газеты, жульнически фальсифицируя общественное мнение, в огромных дозах печатают ими же «организованные» письма читателей, осуждающие «крамольных» писателей или одобряющие «мероприятия» партии. Но чтобы не слишком бросалась в глаза их наглая фальсификация, они на сто «положительных» писем печатают и одно «отрицательное». Тысячи же «отрицательных» писем попадают не на страницы газет, а в редакционные сейфы. И все же даже одно «отрицательное» письмо, напечатанное в газете, — о сколь многом оно говорит!

«Ошибаются, к сожалению, и гении, — пишет Б. Голосова из Калинина в «Комсомольскую правду» (номер от 23 мая). — Возможно я неправильно понимаю призвание писателя и поэта в нашей жизни, но мне кажется — идеи и мысли писателю и поэту не для чего на-

вязывать. Все хорошее в литературе народ сам и без критики отберет, а остальное со временем само предается забвению».

Еще откровеннее и мужественнее выразил свои мысли Лев Баев из Ленинградской области:

«Уважаемая редакция!

Я хочу написать вам о некоторых чувствах, которые возникли у меня, когда я прочитал статью «Куда ведет хлестаковщина» (с нападка на Евтушенко. — М. С.).

Своей статьей вы хотели вызвать у читателя чувство презрения к поэту, хотели представить его чуть ли не в виде изменника. У меня лично такого впечатления не создалось. Я понял лишь, что Евтушенко не тверд в своих взглядах и что он постоянно ищущий человек. Ни в чем не сомневаются лишь тупые догматики и люди, не имеющие собственного мнения.

Разве можно написать для поэта устав и четко определить его обязанности?

Нет людей, которые никогда бы не ошибались. Евтушенко тоже не святой. Но как бы глубоко он ни ошибался, нельзя пользоваться силой, чтобы заставить его иметь иное мнение.

Я знаю, что моего письма вы не опубликуете. И все-таки я посылаю вам это письмо».

Отправка подобных писем в редакции газет представляет собой одну из форм открытого протеста, к которому стихийно прибегает молодое поколение.

Однако только письмами дело не ограничивается. Как видно, продолжаются встречи в кружках, куда, как пишет «Молодой коммунист» № 5, «некоторые молодые поэты... скликают поклонников на свои творческие вечера», и «где кликушествующие девицы, которые всегда «все понимают лучше других», создают им шумный «успех».

Не на таких ли именно вечерах родились литературные сборники «Синтаксис», «Бумеранг», «Феникс»?

*

Больше полгода прошло со дня объявления руководством КПСС похода против творческой интеллигенции. Что же изменилось с тех пор в диспозиции сил? Ровно ничего. Правда, власти удалось на время притормозить печатание неугодных ей произведений. Но ведь она сама не может не давать себе отчета в том, что ни одного писателя на свой лад она не перевоспитала и перевоспитать не может и что ей нечем заменить тех писателей и поэтов, которым она насильно зажимает рот. А на одних обанкротившихся кочетовых, грибачевых, сурковых далеко не раскатишься. В этом тупик власти, из которого она выбраться не в состоянии.

А критическое, вольнолюбивое направление в литературе, как показывает жизнь, уже непоборимо. В этом залог великого духовного перелома в народе, за которым неизбежно придет и социальное и политическое освобождение.

ПОСЫЛКИ-ПОДАРКИ В СССР С ОПЛАЧЕННОЙ ПОШЛИНОЙ

Как и прежде!

ЛИНДЕКС посылает посылки-подарки с вашим товаром,

ЛИНДЕКС предлагает товар для ваших посылок из своего склада — большой выбор, умеренные цены,

ЛИНДЕКС дает вам возможность покупки высококачественных товаров советского производства, которые непосредственно будут выданы вашим родственникам в Советском Союзе.

Получатель не несет никаких расходов

ЛИНДЕКС выполняет все заказы своих клиентов быстро и точно!

Запрашивайте наш каталог с прейскурантом!

LINDEX Handelsgesellschaft mbH

München 27, Rauchstraße 5

Tel.: 48 13 75, 48 16 27, 48 20 38

СКЛАД РУССКИХ КНИГ, ИЗДАННЫХ ЗА РУБЕЖОМ

За рубежом, во всех странах, издаются книги на русском языке, но ни в одной стране нет книжного склада, в котором все эти книги имелись бы в продаже. Практика работы с книгой показала, что многие читатели желают купить русские книги, издаваемые за рубежом, но им не всегда известно, какие книги поступили на книжный рынок и откуда можно их выписать, поэтому Агентство «ДОН», желая в своей работе быть полезным для своих соотечественников, организовало в гор. Нью-Йорке (США) специальный склад для продажи русских книг, изданных за рубежом, и будет стремиться к тому, чтобы все русские книги, изданные за рубежом в любой стране, были всегда в наличии на складе.

Агентство «ДОН» сознает, что склад может успешно работать только при активной поддержке всех издателей этих книг, поэтому убедительно просит всех издателей, живущих за рубежом во всех странах, которые еще не прислали книги, не отказать в любезности — в обоюдных интересах — прислать нам изданные ими книги хотя бы пока по три экз. для продажи на комиссионных условиях. Агентство «ДОН» аккуратно расплачивается со своими поставщиками за проданные книги.

Gregory Shevtsoff, Book Agency "Don", 1675 Bryant Ave., Apt. 1 F, New York 60, U.S.A.

Книги издательства «Посев», а также все периодические издания —

«ПОСЕВ», «ГРАНИ», «НАШИ ДНИ»

в США можно получить в книжных магазинах

„Дом книги“

"The Book House", 304 State Str., Bridgeport, Conn., U.S.A.

Книжное агентство „ДОН“

Gregory Shevtsoff, Book Agency "DON", 1675 Bryant Ave., Apt. 1 F, New York 60, U.S.A.

На все периодические издания принимается подписка. Условия подписки:

на «Посев»: на 3 мес. — 3,25 долл., на полгода — 6,50 долл.,

на год — 13 долларов с пересылкой простой почтой;

на «Грани»: 4 номера — 6 долларов

Цена в розничной продаже: «Посев» — 0,30 долл., «Грани» — 1,75 долл.

По желанию еженедельник «Посев» высылается воздушной почтой прямо из издательства. Цена пересылки 5 долларов в год

По требованию высылаются книжные каталоги

Отец разыскивает Ивана Алексеевича Каралева, род. 5 мая 1925 г. в Воронежской области. Последнее местожительство: Новошахтинск. Писать в «Посев» для № 876.

Знающих о судьбе Григория Ермоленко из Киевщины друзья просят сообщить в «Посев» для Т. Предполагается, что он может находиться в США.

**БОЛЬНЫМ
СЛАБЫМ
НЕРВНЫМ**

Мы живем уже много лет в обстановке крайнего нервного напряжения. Неврастения, малокровие, головные и др. боли, упадок сил, апатия, бессонница, нервные запоры — вот чем страдает едва ли не каждый из нас. В результате расстройства нервной системы влечет и более тяжкие последствия, а именно: ослабление активности жизненных функций всех органов, что и является основной причиной всех болезней, преждевременной старости и часто ранней смерти.

Научно установлено, что известное лекарство KALEFLUID восстанавливает равновесие, нервы и силы и организм, будучи возрожденным, снова начинает пользоваться всеми радостями здоровой жизни.

Профессор Афинского университета д-р Керне пишет: «Я признаю КАЛЕФЛЮИД могущественным лечебным средством, чрезвычайно укрепляющим и восстанавливающим силы и нервную систему».

КАЛЕФЛЮИД награжден на выставках в Париже, Лондоне, Риме, Брюсселе и Флоренции 5 золотыми медалями.

Брошюра на всех главных языках мира высылается бесплатно. КАЛЕФЛЮИД продается в аптеках. Где нет, пишите немедленно:

Laboratoire E. "KALEFLUID", 66, Bd. Exelmans, Paris (16-e), France

В Канаде: Pharmacia Brunelle 5757, Bd. Monk, Montreal

В Австралии: E. Hubczenko, 16, Howards Rd. Beverly, Adelaide

Заказы из США и других стран направляйте нам во Францию

КАЛЕФЛЮИД